

Я так и не проснулся.

Я начал видеть сон. Какой сон?

Я не понимал. Я просто стоял в каком-то бескрайнем, погруженном во тьму месте.

Это место было мне незнакомо. Я начал озираться по сторонам, и почему-то мне казалось, что это пространство с каждым мигom становится всё меньше и меньше.

Как тихо. Стоит ли мне походить здесь?

Я размышлял об этом, но казалось, что я ничего не знаю о себе, и на душе было очень спокойно.

Это место было тихим, очень тихим. Пожалуй, даже умерев, человек сказал бы то же самое.

Как тихо.

Я не знал, какой именно сон мне снится, но подсознательно чувствовал, что это сон. Сон — это лучшее, что может быть, ведь по крайней мере он не причинит вреда другим из-за моих мыслей.

Эту вещь так и не закопали, ей лишь требовался подходящий момент, и в конце концов она бы появилась.

Однако У Чан не знал, что это была самая глубина его собственного сердца, а его душу опутывало нечто неведомое.

Он сам не подозревал об этом. Он был хорошим, добрым человеком, и от начала и до конца его здесь никогда не было.

Кто? Кто меня зовет?

Пустынное пространство, края которого не разглядеть впереди.

Пространство становится всё меньше. Кто зовет У Чана?

— Сможешь ли ты разглядеть себя истинного?

Я не хотел отвечать. Я никогда об этом не думал и не собирался думать.

— Мм.

Голос оборвался, словно затихшая песня, и вокруг воцарилась тишина. Остался лишь звук собственного сердцебиения.

Мне хотелось немного пройтись.

Я начал двигаться.

Один шаг.

Два шага.

С каждым моим шагом земля шла кругами, словно брошенный в воду камень, но плеска воды было не слышно.

Я шел вперед, не зная никакой цели.

Пройдя изрядное расстояние, я заметил притаившуюся там маленькую темную фигурку.

Он улыбался, и эта улыбка была жуткой.

Но ведь это было сердце У Чана, и он никогда не подозревал, что в нем есть столь пугающая сторона.

Как же болит голова!

Неизвестно почему, У Чан почувствовал, что забыл что-то. Это было связано с его детством, и он сам пытался понять, что же именно ускользнуло от его памяти.

Внимание, внимание!

Пожалуйста, проснитесь.

Это было предупреждение откуда-то сверху. Ничего не было видно, сплошная чернота.

— Не уходи.

Этот черный ребенок заговорил, но стоило ему подняться на ноги, как все пространство вокруг

мгновенно побелело, и даже стоявший перед глазами мальчик из черного превратился в белого.

Я смотрел на него. Он казался таким знакомым, и пока я раздумывал, он внезапно схватил меня за руку.

Я ощутил знакомое чувство, хотя и не знал, где мог встретить его раньше.

— Хочешь посмотреть?

Мальчик словно прочитал мои мысли.

Я кивнул.

Я взял его за руку, и в этом пустом месте, где не было ничего, кроме белизны, он не стал сопротивляться мне.

Я не знал, куда идти, и крепко сжимал руку маленького мальчика — впервые в жизни мне нужно было вот так крепко держаться за кого-то.

Опомнившись, я поспешно обратился к нему:

— Ты в порядке? Тебе больно?

Вместо ответа он лишь крепче сжал мою руку, словно точно знал, чего мне хочется.

Совсем как я в детстве, когда меня спрашивали о чем-то в местах, недоступных для взрослых.

Он ничего не ответил и медленно повел меня за собой. Не говоря ни слова, я покорно следовал за ним.

Это был мир, не требующий раздумий, бесконечное пространство и в то же время место, где можно было увидеть любые возможности.

Это было прошлое, закрытое внутри собственного «я».

Он держал меня за руку, и с каждым шагом мои эмоции становились всё тяжелее.

Чем дальше мы шли, тем сильнее я чувствовал усталость, словно что-то давило на меня, на мои чувства, на мое сознание.

Я прижал руку к лицу и с силой потер глаза, пытаюсь хоть немного прийти в себя.

Но это вело лишь к еще большей боли: к и без того помутившемуся сознанию добавлялось принудительное использование навыка Оцепенения.

Остановка маленького мальчика заставила меня поднять взгляд вперед.

В этом бескрайнем пространстве неожиданно обнаружился небольшой клочок земли и засохшее деревце.

Это сухое дерево было удивительным: оно было одновременно и мертвым, и живым.

Маленький мальчик указал на сухое дерево. Я не понял, чего он хочет, но, наверное, велел мне взглянуть.

Увидев, что я стою неподвижно, он подошел ближе, указал сначала на себя, а потом на меня.

— Хочешь, чтобы я повторил за тобой?

Он по-прежнему молчал, протянул руку вперед, и я последовал его примеру.

Это же...

Я мгновенно прояснил разум, и следом за этим мое тело наполнилось жизненной силой.

Однако сухое деревце почти не изменилось, и маленький мальчик присел на корточки.

Заметив это, я понял, что он поливает дерево. Мне тоже захотелось помочь, но он уже закончил полив.

Я хотел продолжить путь за ним.

Но он резко повернулся, и неизвестно откуда взявшаяся сила мгновенно сбила меня с ног. Однако я не упал на землю.

Вместо этого я просквозил сквозь землю и полетел стремглав вниз, словно в воде — нет, прямо в воде.

Я подсознательно подумал об этом.

Как темно, как холодно, как хочется спать.

Как тихо, как сильно хочется...

Когда мне показалось, что я уже почти достиг самого дна, я внезапно очнулся.

Я лежал в лазарете. Мучившее меня ощущение боли исчезло, но на душе осталась тяжесть — это была не обычная боль.

Эта боль затрагивала сердце, сознание и плоть.

Кто бы ты ни был,

я у тебя в долгу.

Спасибо.

— Если у тебя тепловой удар, не нужно лезть на крышу. Надо же, даже в обморок упал.

Тело после использования Оцепенения было не настолько слабым, чтобы получить тепловой удар — это исключено. Просто они недооценили хрупкость того состояния, в котором я находился сразу после применения навыка.

Я увидел входящих в дверь Су Сяо и Чэнь Байсяо. Заговорила как раз Су Сяо.

Однако я никак не ожидал, что следом за ними появится и Чэнь Сюэлуо. Меня тут же пронял кашель, и я не удержался от мысленного ворчания.

С чего это вдруг она тоже приперлась?

Впрочем, Су Сяо я все же ответил:

— Понятия не имею. Кто же знал, что сегодня будет так жарко?

Ха-ха, я мог лишь ухмыльнуться про себя. Едва я собрался заговорить, как они поспешно удалились, а уходя, Чэнь Байсяо не преминул отпустить шутку:

— Глядишь, и удастся её завоевать!

— Кого?

— Меня.

Чэнь Сюэлуо подошла к койке и присела. Я не смотрел на нее, а просто молча уставился в потолок — мое излишнее вмешательство в чужие дела заранее обрекало меня на то, чтобы не сойтись с ней характерами.

— Я только что немного поговорила с ним.

— Мм.

— Твой друг был абсолютно прав. Впрочем, мне тоже очень хочется узнать, почему ты готов помогать другим без всякой выгоды. Я ведь тоже наслышана о тебе.

В тишине лазарета она смотрела на меня, и взгляд ее казался куда мягче, чем прежде, ожидая моего ответа.

Я посмотрел в окно, за которым щебетали птицы.

Шумно, но люди не считают этот шум раздражающим, напротив, они наслаждаются им.

— Никаких причин. У меня нет никаких причин.

— Вот как? Право же, заурядный ответ.

Я и сам не знал, почему вечно суюсь не в свои дела. Причин не было, и искать их я не собирался.

— Я потревожила тебя, извини.

Как ни странно, было совестно. Какими бы ни были чужие поступки, мне не следовало вмешиваться, но... у людей всегда есть любопытство.

Что тут поделаешь? Я просто слишком любопытен, и мне обязательно нужно докопаться до сути некоторых вещей.

Чэнь Сюэлуо, по сути, лишь хотела, чтобы тот человек всегда был рядом, но в то же время боялась его ухода, поэтому и пыталась отыскать выход.

Это была психологическая проблема, а не болезнь, хотя для самой Чэнь Сюэлуо это казалось лишь пустяком: у нее имелся определенный контроль над собой и собственным восприятием.

Вся проблема заключалась в том, что она никогда с подобным не сталкивалась, не обсуждала это и не заботилась о чужих мыслях, сосредоточившись лишь на объекте своего внимания.

— Извиняться не нужно. Я тоже виноват: думал лишь о себе, но не думал о ней. В этом вопросе я ничем не отличаюсь от тебя, когда ты лезла в мои дела.

— Верно. Когда теряешь голову, думаешь уже не о другом человеке, а лишь о том, как удовлетворить собственные желания.

В этот момент оба пришли к общему пониманию. Тот, кто считал, что никогда не сможет подружиться с ней, вдруг заново открыл ее для себя.

<http://bllate.org/book/21077/2141664>